

УДК 91(470.61)

О.М. МОРОЗОВА

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛЕ ДОНА)

Семейные архивы нескольких донских казачьих фамилий демонстрируют наличие у коренного населения Дона рыночного хозяйственного мышления еще в дореформенный период. Суждения, поведение, морально-этические установки донских помещиков всех категорий, обладая рядом черт, близких к великорусскому крепостническому типу, вместе с тем демонстрируют их высокую информированность в вопросах ведения рыночного интенсивного хозяйства. Автор делает попытку показать, как наличие «ветхозаветных» традиций в сфере денежного обращения и в производственной практике объясняется не преданностью старине, а той пользой, которую они приносили казакам в определенных ситуациях.

Ключевые слова: экономическое поведение, хозяйственная практика, пореформенное время, многоукладная экономика, казаки и иногородние.

Предисловие. Древняя мудрость о реке, в которую нельзя войти дважды, ставится под сомнение историей нашей страны, которой пришлось повторно вступить на топкие берега мутного потока рыночной экономики. Реалии переходного периода более чем столетней давности навязчиво вызывают ассоциации с новейшими событиями. Известная однотипность процессов позволяет судить о существовании закономерностей в оформлении новых социальных слоев в сфере предпринимательской деятельности.

Экономическая жизнь Дона пореформенного времени и рубежа веков отличалась большой пестротой. Товарное зерновое производство вытесняло полунатуральное скотоводство. Из всего объема производимого в регионе хлеба потреблялось на месте менее трети [1, с.9]. Южно-российский промышленный район стал центром притяжения для иностранного капитала, с которым в страну пришли новейшие для того времени технологии. Среднегодовой прирост промышленного производства предприятий региона на 10-15% опережал общероссийский. И в то же время как следствие юртового землепользования падало благосостояние казачьих станиц.

Число представленных отраслей, происхождение капиталов и их владельцев, тип получения доходов, характер собственнических отношений – все было чрезвычайно многообразно. На сравнительно небольшой в масштабах страны ее юго-восточной части во второй половине XIX века стали скапливаться экономические парадоксы, соседствовать старое и новое, перемежаясь и причудливо наслаиваясь: Новочеркасск, единственный город в стране, находившийся под особым управлением, в котором даже дорожку в городском парке нельзя было устроить без разрешения военного министра [2, с.46 об.], и Ростов, стихийно выросший из лачуг рыбаков и торговцев, селившихся у таможни, – город, само появление которого противоречило имперской логике, когда практически ничто не могло возникнуть самопроизвольно, без воли и плана сверху.

Деловые круги региона были представлены выходцами из самых разных сословий российской империи и из осевших в стране иностранцев. Великие реформы предоставили главному привилегированному классу, дворянству, наилучшие возможности для освоения новых источников дохода: заботливое правительство предоставило им стартовый капитал в виде выкупных сумм и не требовало от них официального оформления их торгового и промышленного предпринимательства, что позволяло им избегать налогового учета [3, с.16]. «Но теперь, после всех благодетельных реформ, в наш промышленный век, почему же дворяне не могут обратить свое внимание, свои способности, наконец, на подобные предприятия?», вопрошал И.С. Тургенев, полжизни проживший за границей и видевший аристократов, спекулирующих на бирже и вырабатывающих сукно и сталь. А.Н. Энгельгардт в 1870-е гг. отмечал хозяйственную беспомощность соседей-помещиков, чье хозяйство велось плохо, «даже хуже..., чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева...» [4, с.27, 55]. А ведь, по словам барона Н.Е. Врангеля, «деньги на юге в то время, в буквальном смысле, валялись на земле, и только ленивый не подбирал их» [5, с.194].

Сам Николай Егорович, почти промотав отцовское наследство, на последние деньги купил лесной участок в Харьковской губернии. Вырубив древесину на продажу, он продал его дорожке, уже как подготовленный под полевые работы, практически утроив вложенные средства. Но такая деловая хватка была большой редкостью у великорусских помещиков. Донское же дворянство, особенно его мелкопоместная часть, вело хозяйство, основываясь «не на даровой, а на наемной работе», а потому, как писал один из донских помещиков в 1867 г., «последовавший вскоре крестьянский переворот (отмена крепостного права. – **О.М.**) не застал нас врасплох и не заставил прижиться при новых порядках» [6, с.372 об.]. Еще в 1830-е годы отмечен особый интерес местных землевладельцев к травопольной системе, английским плугам и сеялкам, высокопродуктивным и устойчивым сортам пшеницы [7, с.252, 325, 370 об.].

А в это время под боком развивается, хотя и отделенный от казачьих районов сословными границами, грязный поселок. Как писал оказавшийся в 1879 г. на берегах Дона в качестве представителя Российского общества промышленности и торговли Н.Е. Врангель, Ростов возник по-американски, стихийно [7, с.237]. Из недавних голодранцев образовался привилегированный класс. Подпись И.Э. Скарапанги под протоколом заседания Ростовского комитета торговли и мануфактуры 1889 г. – форменные каракули! [8, с.58]. Пригласив на должности городского головы, присяжных и судей людей образованных, таких как выпускник училища правоведения А.М. Байков, или послав на учебу «своих» людей, как, например, И.С. Леванидова, они составили с ними мощную группировку. Делая много для города, они не забывали использовать его ресурсы в своих интересах.

Оценки деятельности ростовских отцов города отличаются весьма сильно: от самых хвалебных до разоблачительных. Даже после смерти Байкова страсти вокруг его имени не утихли. Когда в 1895 г. возникло намерение установить его портрет в зале Городской думы, то в адрес Войсковой администрации стали поступать анонимные письма [9, с.5, 6], в которых напоминали мутные дела, творившиеся в городе при Байкове. Среди фактов неблагоприятной деятельности городского головы назывались: использование сумм из наследства сирот для оплаты собственных долгов по векселям; сдача городского имущества в аренду и передача его в собственность без торгов и согласия городского общества; введение «произвольного сбора с приезжавших на базар»; подлоги; изъятие огромных сумм из «полукопеечного сбора». В частности, поднимался вопрос о незаконном прекращении следствия, начатого против него по указанию Александра II и остановленного без высочайшего повеления при следующем императоре [9, с.3].

В то время когда Ростов динамично развивался и богател, Донское общество торговых казаков («Пятисотское») в 1880-1890 гг. переживало сложные времена. Число его членов сокращается, в 1892 г. в нем осталось 200 чел. [10, с.3, 4]. Многие занимавшиеся торговлей «выписываются» из казаков. Положение не спасает даже то, что «пятисотские» казаки сами должны контролировать конкурентов – иногородних, например, внесение ими акцизов за право торговли на территории Войска [11, с. 1, 4 об.]. В декабре 1883 – январе 1884 гг. члены Торгового общества донских казаков устроили «бунт» против Гирлового комитета, который поддержал Войсковой наказной атаман. Деятельность Комитета за 30 лет была оценена как бесполезная трата капитала. Представители в Комитете от казачества Кошкин и Переселенцев названы «лицами, бог знает кем назначенными». На деле их назначил от казаков сам Гирловой комитет [12, с.28-35]. Причиной обмена резкостями стало то, что Ростовский комитет торговли и мануфактуры (а членами этого комитета и Гирлового были практически одни и те же лица) захотел заниматься железнодорожным строительством на Дону, т.е. на территории войсковых земель. В качестве формального главы был предложен начальник Московского железнодорожного округа, но не как представитель государства, а в качестве лица для контакта с Министерством путей сообщения. Его присутствие в Ростове не предусматривалось. Текущими делами должен был весть вице-председатель из числа членов Ростовского комитета торговли и мануфактуры, то есть опять «свой человек». Один из членов этого комитета М. Топчиев имел по этому вопросу особое мнение: председатель должен иметь авторитет среди казачьего населения, поэтому целесообразно назначение его правительством и за счет правительства для большего авторитета среди казачьего населения. Но в итоге все

пошло по сценарию ростовских дельцов: председатель жил в Москве, а они работали в Ростове на благо личное и города.

Конфликты между ростовскими дельцами и донскими торговыми предпринимателями – это не столкновение мировоззрений, это борьба деловых группировок. Например, деятельность Гирлового комитета наносила ущерб рыбному промыслу, издавна контролируемому казаками. Предприниматели, действовавшие на территории Дона и Южного промышленного района, могут быть достаточно условно поделены на три категории: (1) иностранные и иногородние по происхождению капиталисты торгового и промышленного профиля, к ним относятся члены купеческих гильдий Ростова, Нахичевани, Таганрога; (2) члены Торгового общества донских казаков и (3) донские землевладельцы – производители товарного зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Если бы не фигура Е.Т. Парамонова, то «Пятисотское» общество выглядело бы аутсайдером в этом ряду.

А вот донские землевладельцы, среди которых к началу XX века все еще оставалось значительное число казачьих дворян, демонстрировали высокую степень соответствия современным условиям. Показательна фигура Василия Ильича Денисова. В дореформенное время главным земельным владением Денисовых была слобода Ильинка, что на правом берегу р. Сал. Она числилась за семьей уже по IV ревизской переписи. Крепостные находились на оброке – 8 руб. серебром с душевого надела, барщины не было вовсе. По собственной инициативе отец Денисова сделал крестьянам «уступку отстранением добавочного с них платежа на землю, ныне им отмежеванную». Речь идет о 20% от суммы выкупного платежа, которые крестьяне должны были собрать сами, и только после этого первоначального взноса они получали частичные права на землю. Ежегодные выплаты в казну у крестьян слободы – 2912 руб. – были меньше суммы их годового оброка барину (3640 руб.) [13, с.5, 7, 8, 20, 24].

На средства, образовавшиеся после выкупной операции, была приобретена земля на территории Кубанской области, рядом со станицей Кушевка, на которой была создана экономия Ильевка. Экономия Ильевка представляла собой большое многоотраслевое хозяйство. В среднем оно приносило до 90 тыс. руб. годового дохода. Среди перечня выпускаемых товаров были дроги, виноградное вино, молочные продукты, мясо, разводились элитные породы скота – симментальские и ангельские коровы, йоркширские свиньи и пр. Выращивались пшеница, виноград, кормовые культуры. Имелся винокуренный завод, спирт с которого сдавался в казну. До 1904 г. Денисов сам вел хозяйство в экономии и показал себя как знающий хозяин. В дальнейшем, когда, став членом Госсовета и шталмейстером Двора, Денисов постоянно жил в Петербурге, он вынужден был нанять управляющего из прибалтийских немцев Ивана Францевича Бреде. Переписка, состоящая из писем хозяина к управляющему, дает достаточно полное представление о приемах ведения дел, коммерческой этике, контактах и даже системе ценностей активно хозяйствующих субъектов.

Уровень специальных сельскохозяйственных знаний шталмейстера Двора поражает. После обхода полей внезапно нагрянувший из столицы владелец оставляет Бреде такую записку. «Осматривал люцерну [...] Ее давно пора косить. 14 лан* уже отцвели и завязался рожок. В 17-м и 16-м лану много осота, который если сейчас не скосить, то он будет такой твердый, что его косы не возьмут» [14, с. 7]. Его также не устраивает способ доставки туш баранов для ресторанов Петербурга, и он дает подробную инструкцию управляющему по этому вопросу: головы и внутренности требуется удалять, но почки следует оставлять, каждую тушу перекладывать соломой и пр. Одно из писем представляет целое исследование годовых колебаний цен на различные сорта мяса, что имеет значение для планирования численности стад с тем, чтобы не передерживать поголовье. Так, он рекомендует своему немцу планировать главный забой овец к апрелю-маю, а свиней – к началу лета и, особенно, к августу-сентябрю, что противоречит всем крестьянским традициям, но с точки зрения коммерческого расчета совершенно обоснованно. Помещик Денисов знает поименно всех работников, и то, кто к чему способен. Уважает за старательность «хохлов», многие в сезон регулярно приезжают на работу в его экономию. А вот «казаков нам за свой счет нанимать не стоит», пишет потомок атамана Денисова, потому что теперь он рачительный хозя-

* Поля в крупных земледельческих хозяйствах делились на секторы, которые назывались ланы.

ин. Несмотря на то, что Ильевка не единственное его имение, а доходами от землевладений его финансовые поступления не ограничиваются (Денисов имеет 36 тыс. в год как член Госсовета), он близко к сердцу принимает все, что касается хозяйства. Он пишет управляющему Бреде: «Быть за 2000 верст от имения очень тяжело. Меня волнует и завод, и поставка спирта, и уплата векселей, и результаты кормления [скота]... а сами вы пока я не надоедаю, не пишите ничего. Удивительный человек» [14, с.9 об., 12-13, 59 об.] (Выделено нами. – **О.М.**).

Немецкий управляющий год от года все более заставлял нервничать своего нанимателя. Он капризничал, грозился уходом, требовал денег на «оборотный капитал», «забывал» своевременно производить расчеты с владельцем экономии («самовольно удерживаете мои деньги», – пишет Денисов) и с поставщиками и пр. Вызывали недоумение суммы его расходов «на улучшение имения». В одном из писем читаем: «Я вам верю, что вы честный человек, но любите тратить широко деньги. [...] Сами чуть не каждый день в Ростове, где поездка в 1-м классе, дорогой номер и др. расходы, конечно, ложатся на экономию. Доходы получают только тогда, когда *экономят-ся расходы*, а Вы большой барин, шикарнее, чем я сам. Затем, я когда приеду, вы мне сами все расскажете и покажете книги». Дошло до того, что Бреде возложил на хозяина ответственность за ряд хозяйственных проблем, и тот раздраженно напоминает: «Не я у вас пока управляющий, а вы у меня» [15, с. 12, 8].

Денисов разбирался и в финансовых вопросах. Он хорошо читал отчеты, получаемые от управляющего, ловя его на подтасовках, и платежные документы из тех банков, в которых имел счета. В письмах Бреде он дает подробные инструкции по погашению векселей по разным кредитным операциям, следит за поступлением средств из Акцизного ведомства, из министерства железных дорог за проданный под строительство железнодорожной ветки участок и пр.

Тон писем со временем крепчает, но из документов неясно, решился ли граф расстаться со своевольным управляющим. Видимо, столь многолетнее сотрудничество нельзя объяснить лишь попустительством. Если Бреде проработал в экономии как минимум десять лет, это значит, что в целом методы хозяйствования последнего устраивали помещика. А методы стоят особого разговора. В архивах экономии сохранилось изрядное количество писем-жалоб от получателей и покупателей различного рода продукции этого хозяйства. Очевидно, что управляющий часто всучивал им некачественный товар, но со стороны хозяина лишь однажды поступила вялая реакция на рекламации в форме совета, что надо бы самому следить за качеством товара.

Денисов давал своему управляющему примечательные наставления: «С полицией надо быть в хороших отношениях [...] и надо приставу и околоточному давать подарки. Я плачу здесь в Петербурге на Пасху и Рождество приставу от 20-25 рублей, околоточному 5 и другим служащим кому 1 рубль, кому 3 рубля. Помощнику приставы 10 рублей. Поэтому ко мне никто не лазит [16, с. 56]. Предыстория этого примечательного письма такова. Санитарная комиссия и полиция посетили молочную ферму в Ростове, записанную на жену Денисова, и нашли там нарушения гигиенических правил, что нашло отражение в газетной статье, имевшей нежелательный для уважаемого человека резонанс.

Из частной переписки мы можем узнать, что два столичных сановника – граф Лихтенштейн и шталмейстер Двора, член Госсовета Василий Ильич Денисов – обсуждают в частной беседе преимущества различных схем откорма скота! Если А.Н. Энгельгардт, вникающий в 1872 г. в тонкости возделывания льна, исключение, то Денисов, судя по документам, в 1900-1910-х гг. типичный представитель обуржуазивающегося дворянства.

До 1915 г. Денисов возглавлял Совет Российской экспортной палаты (РЭП). Он был идеологом проведения активной экспортной политики для защиты внутреннего рынка и поиска новых рынков и новых путей сбыта отечественной продукции. При его активном участии при Экспортной палате была создана Комиссия по пересмотру торговых договоров с Германией. Программа работ комиссии была разработана М.И. Туган-Барановским. Как признано историками, работа Комиссии в немалой степени способствовала эскалации антигерманских настроений в обществе в предвоенный период. То, что Денисов-предприниматель стоит за спиной Денисова-общественного деятеля, очевидно. В документе, подготовленном Г.А. Крестовниковым по заказу РЭП в 1911 г., говорится, что Германия вытесняет Россию из ее исконных (!) рынков ржи в Северной Европе; сама

Германия еще недавно ввозила российский хлеб, теперь ввоз сокращен вдвое, на таможенных Германии творится произвол в отношении наших товаров. Ужесточаются ветеринарно-санитарные правила, устанавливаются штрафы и новые более высокие ввозные пошлины, существует диспропорция железнодорожных тарифов на немецкие и русские товары. Были случаи, когда вагоны возвращались из Германии поставщику. Вывоз пшеницы из России сокращался: 1903 г. – 5 567 000 пуд., а в 1908 г. снижение до 3 243 000 пуд. Та же тенденция прослеживается в отношении экспорта спирта, сахара, кож и многих других товаров. Все это производил и сам Денисов. Германия – его личный торговый конкурент!

Таким образом, мы имеем перед собой новый тип российского дворянина, являющийся неким гибридом старого служилого сословия, «слуг государевых», от которых унаследованы государственное чувство и радение об общественной пользе, и новой генерации капиталистических дельцов, обладающих необходимыми знаниями и навыками, умеющих работать, с расчетом рисковать.

Успешно совмещал предпринимательство и государственную службу и предводитель дворянства в Ростовском-на-Дону уезде А.К. Кривошеин. Он прославился подтасовыванием выборов и целым рядом мошеннических проделок. Представитель Российского общества промышленности и торговли в Ростове-на-Дону Н.Е. Врангель описал, как Кривошеин продавал пароходы с неисправными топками, – тряпками, смоченными в керосине, разводили пары, казалось, пароход готов к отплытию [5, с. 240-241]. С 1892 по 1895 гг. он исполнял обязанности министра путей сообщения, но был уличен в поставке леса из своих имений казенным железным дорогам и уволен в отставку. Владея имением в Полтавской губернии, он начал строительство железнодорожной ветки к нему! Целью было удешевление стоимости транспортировки товарного хлеба, производимого в имении. После его отставки работы были остановлены и строительство дороги было не закончено.

Не у всех дворян получалось вести хозяйство, такие землевладельцы рано или поздно приходили к мысли о продаже имения. Дядюшка шталмейстера Денисова старый генерал Веденяпин не получал никакого дохода от двух своих имений. Родная сестра Василия Ильича с болью пишет брату о решении мужа продать некой «цыганке» их имение Маховицу. В ее строках: «для нас родное гнездо, родное детище, – для них кусок земли для аферы», узнается чеховская коллизия, вероятно, тогда типичное явление, встречавшееся на каждом шагу. Как и в центральных губерниях, на Дону основные продавцы земли – дворяне, а покупщики – крестьяне, но не местные, а пришлые – «тавричане» [17].

Не только люди богатые и влиятельные осваивали правила делового поведения. Подчас у людей простых понимание коммерческой этики было более цивилизованным. Торговый дом С.И. Великанова получил интересное письмо из Товарищества официантов Ростовского-на-Дону коммерческого клуба. Это было сообщение о том, что члены Товарищества вынуждены ликвидировать свое дело вследствие неблагоприятно сложившихся для них условий: «...Мы понесли такие большие убытки, что поставлены в совершенную невозможность удовлетворить претензии наших кредиторов. Еще до рассылки настоящего циркуляра некоторые из наших кредиторов описали принадлежащее Товариществу имущество, ввиду чего мы и считаем себя обязанными предупредить Вас об этом и покорнейше просить присоединиться с своей претензией к описанному имуществу Т-ва, дабы не пропустить установленного на сей предмет законом срока. Других же средств, кроме описанного имущества, на удовлетворение своих кредиторов ТОВАРИЩЕСТВО НЕ ИМЕЕТ» [18, с. 14]. Это объясняет, почему в 1927 г. потомственный буфетчик А. Сергеев с гордостью сообщает, что его отец 40 лет прослужил в г. Ростове-на-Дону официантом в Коммерческом клубе [19, с.505]. Это было почтенное занятие и членство в достойной, не запятнавшей себя артели, поэтому и сын характеризует себя хорошим хозяйственником, честным, трезвым и исполнительным.

Можно ли говорить о том, что город был уже капиталистическим? В целом, да. Но всегда, когда старые порядки могли принести дивиденды, все готовы были их использовать. В 1906 г. возник конфликт в Таганроге между давно уже существовавшей артелью стиваторов-грузчиков и вновь возникшей из части членов первой, которые вышли из нее [20, с.109-110]. Документы дают представление о первой артели как организации скорее капиталистического, чем патриархального, типа. Например, среди членов есть такие, которые внесли вступительный взнос, но лично не

участвуют в работе, однако получают крупные артельные паи. Так как эта артель являлась монополистом в грузовом обслуживании судов, то ее валовой доход за навигацию мог колебаться от 240 до 300 тыс. руб.! У артели был устав, по которому она не имела над собой никакого контролирующего органа, поэтому предписания, с которыми ее старосты были не согласны, отвергались. Те архаические черты, которые давали преимущества, артелью оберегались. Так, например, по традиции член артели считался выбывшим только после решения схода его отпустить; поэтому, чтобы воспрепятствовать образованию конкурирующей организации, артельщики не давали недовольным «бунтарям» согласия на выход, но и не допускали их к работе, оставляя без заработка. Подобная система существовала и в других азово-черноморских портах.

Образование второй артели поддерживал Биржевой комитет, официально – как противовеса беспорядкам и злоупотреблениям в первой артели, но реально для того, чтобы сбить непомерно высокие расценки на шипчандлерские и докерские работы в Таганрогском порту, на которые жаловались и отечественные, и зарубежные перевозчики.

Появляются преступления нового типа. В станицах области работает некое «агентство жуликов». Его члены берут в кредит швейные машинки, веялки, дроги, жнейки и продают их за полцены. От платежей по кредиту уклоняются. Им покровительствуют станичные атаманы, которые выдают им справки из станичного управления, необходимые для оформления сделки.

Не только в городах, но и в небольших населенных пунктах учреждаются общества потребителей и взаимного кредита. Как правило, это территории, непосредственно примыкавшие к промышленным и торговым центрам. Пайщиками были крестьяне, мещане, духовные лица, мелкие чиновники. Получение небольшого, но устойчивого дохода от свободных средств совсем не противоречит их мировоззрению.

Иные настроения замечены в среде рядового казачества. Не только они, но и администрация Войска озабочены состоянием общевойсковой собственности и общим падением экономического благосостояния донцов. Выход из создавшегося положения видится как в обособлении, так и в приобщении к льготам, дарованным другим слоям, например, крестьянам, в покупке земли с помощью Крестьянского банка. В первом случае оно находится в ожидании помощи от государства, во втором – надеется на собственный культурный рост. Если призывы к развитию слышатся в основном из уст войсковой интеллигенции, то охранительные и патерналистские ожидания – черта широких слоев простых казаков. Мало того, что это типично для архаичных социумов, переживающих этап кризиса, сами власти всегда поддерживали в казаках эти настроения. Так, в проект инструкции об обязанностях станичного схода рукой А.М. Грекова, с 1903 г. старшего помощника войскового наказного атамана по гражданской части, внесены пометки. Следует запретить «деlež общественной земли (т.е. юртовой, находившейся в собственности Войска. – **О.М.**) на пай или участки: нельзя же смотреть равнодушно, как люди глупят и сами себя губят»; разделы внутри станичного имущества разрешить, но выделы как «самый сильный яд казачьего благосостояния» строго запретить [21, с.1].

Когда в 1909 г. на Войсковом совещательном собрании обсуждался вопрос об образовании новых станиц в задонских степях и наделении земель их жителей, то представители старых правобережных станиц явно высказывали свои соображения об идеальном устройстве станичного быта: рекомендовали запретить сдачу излишней юртовой земли в аренду с торгов, считая, что это будет иметь вредные последствия. Депутат А.А. Назаров сформулировал свою позицию предельно откровенно: арендные торги выгодны только богатым и служат образованию класса эксплуататоров. Излишняя земля должна сдаваться обществом в аренду только своим и тем из них, кто лично занимается земледелием. Уравнительные настроения, - прижать богатых, высказывались многими депутатами.

Конфликты между крупными арендаторами и станичными низами были распространенным явлением. Один из них проходил осенью 1909 г. в станице Новониколаевской Таганрогского округа [21, с. 340-343]. Писарь мирового суда А.А. Бастырев в очередной раз участвовал в торгах на отдачу в аренду свободной станичной земли. Их как всегда он выиграл, взял 111 дес. за 1989 руб., которые и уплатил в станичную казну. Но станичный сход вскоре вынес решение о выселении его как «вредоносного» элемента. Бастырев оправдывается: «Но ни воровством, ни грабе-

жом, ни мошенничеством и кулачеством, ни фабрикацией векселей и подлогами, ни притонодержательством и укрывательством злодеев я не занимался и в сих искусствах не обвинялся. [...] А преуспел я в улучшении своего материального благосостояния личным трудом рук своих и разума, предприимчивостью и энергией достиг того благополучия, которое мозолит глаза беспокойно праздных людей. Пожиная, я и пожинаю именно то, что сею, так как занимаюсь на широких и культурных началах земледелием. Продолжаю же службу у мирового судьи, ибо не привык к безделью». Но очевидно, что писарь сам землю не пашет, что он и признает в письме: «Брать в аренду станичные и казачьи паи за плату и передавать их другим лицам, хотя бы даже за повышенную цену (*sic*), составляет акт добровольного соглашения обеих сторон и, представляя один из видов коммерческого предприятия, не заключает в себе ни нравственного, ни юридического преступления». Но он просит не заблуждаться в отношении мотивов действий его врагов: обвинения возникли из-за досады на него как на «серьезного конкурента в коммерческих предприятиях».

Бастырев – не казак, но среди арендаторов и заводчиков было много и казаков. На землях Юга страны соседствовали между собой уклады хозяйственной жизни – архаичный и современный. Они были разграничены не территориально, например, как городской и сельский, и не сословно, как мещанский, дворянский или казачий. Это было две модели поведения, и по приверженности им население делилось на три категории.

Группа людей, органично чувствовавших себя в условиях свободного рынка рабочей силы и деловой инициативы. Среди них были и дельцы, и их наемные рабочие и служащие, а также люди свободных профессий. Отношения с властью у них были достаточно специфическими. Они ее использовали в своих целях, даже в случаях коррупции, они *не подкупали* чиновников, а *откупались* от них. Авторитет власти, сдерживающей развитие сектора экономики, дававшего им средства к существованию, был в их глазах не очень высок. Численно эта группа людей не была большой, хотя в источниках того периода в качестве фигурантов она лидирует, что естественно в связи с активной ролью в жизни страны.

Наиболее заинтересованными в консервации прежних отношений общественной субординации и собственности оказались казачьи низы. В большой степени это носило субъективно-психологический характер. Чем больше идеологи вздыхали о золотых днях казачества и об его оскудении в последнее время, тем более они разворачивали казаков в прошлое, заставляли сожалеть о том, чего в действительности никогда не было. Все усилия по консервации привилегий казачества были безрезультатны, лишь усиливали раздражение против властей и взаимную неприязнь между казаками и иногородними. Последние чувствовали себя обойденными, ведь многое им было запрещено на войсковых землях. Хотя архивные данные свидетельствуют, что в 1900-е годы пришлым на Дону сопутствовал экономический успех: они чаще казаков покупали земли, поступавшие в продажу, и на работу их брали охотнее. Бедные казаки это наблюдали и искали опору в прошлом.

Третий тип поведения вполне может быть назван смешанным. Человек мог руководствоваться в разных ситуациях противоположными моделями поведения и мышления. Это был вариант приспособления к переходному состоянию общества.

Заключение. Многоукладность экономики – явление естественное, но в России рубежа веков она усугублялась государственной политикой. Самодержавие стремилось использовать потенциал промышленного и аграрного капитализма для укрепления прежде всего внешнеполитических позиций. Внутри страны центральная власть выступала как главная консервативная сила. Поддержка взаимоисключающих экономических моделей вызывала в обществе формационное напряжение. Между слоями – приверженцами разных типов хозяйствования – усиливалось непонимание. Такое многолетнее испытание «на растяжение» спровоцировало социальный раскол и непримиримость наступивших вскоре революционных бурь.

Библиографический список

1. Козлов А.И. Казачья окраина России / А.И. Козлов. – Ростов н/Д., 1992.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. 162. Оп. 1. Д. 60.
3. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России / П.Г. Рындзюнский. – М., 1978.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887 / А.Н. Энгельгардт. – М., 1956.
5. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Н.Е. Врангель / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. – М., 2003.
6. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 35.
7. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34.
8. ГА РО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 26.
9. ГА РО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 62.
10. ГА РО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 33.
11. ГА РО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 21.
12. ГА РО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 22.
13. ГА РО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 682.
14. ГА РО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.
15. ГА РО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 31.
16. ГА РО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11.
17. ГА РО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 48. Л. 31 об.
18. ГА РО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 4.
19. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4.
20. ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 601.
21. ГА РО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 13.

Материал поступил в редакцию 12.10.09.

O.M. MOROZOVA

ECONOMIC BEHAVIOUR PATTERNS IN TERMS OF MIXED ECONOMY IN POST-REFORM PERIOD (BASED ON THE DON DOCUMENTS)

Family records of several Cossack families demonstrate that market economic thinking was typical for Cossacks even in the pre-reform period. Thinking, behavior, moral and ethical arrangement of life among Don landowners of all categories were not only close to the traditional Russian serfdom type, but also show that they were well informed about market economy. The author tries to prove that their observance of old fashioned traditions in currency and production can be explained not by their devotion to the customs, but by the profit it could bring to Cossacks in particular situations.

Keywords: economic behaviour, economic practice, post-reform period, mixed economy, Cossacks and the nonresident population.

МОРОЗОВА Ольга Михайловна, кандидат исторических наук (1988), доцент (2008) кафедры «Связи с общественностью» ДГТУ. Окончила Исторический факультет РГУ (1982).

Область научных интересов: история Гражданской войны, история повседневности, источниковедение документов личного происхождения, история культуры и религии.

Автор 62 научных работ.

olgafrost@gmail.com

leonolga@ctsnet.ru